

## **Книги Ника Перумова**

**КОЛЬЦО ТЬМЫ**  
**ЭЛЬФИЙСКИЙ КЛИНОК**  
**ЧЁРНОЕ КОПЬЁ**  
**АДАМАНТ ХЕННЫ**

**ХРОНИКИ ХЬЁРВАРДА**  
**ГИБЕЛЬ БОГОВ**  
**ВОИН ВЕЛИКОЙ ТЬМЫ**  
**ЗЕМЛЯ БЕЗ РАДОСТИ**

**ТЫСЯЧА ЛЕТ ХРОФТА**  
**Книга первая. БОРГИЛЬДОВА БИТВА**  
**Книга вторая. МОЛОДОЙ МАГ ХЕДИН**

**ЛЕТОПИСИ РАЗЛОМА**  
**АЛМАЗНЫЙ МЕЧ, ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ (в 2 т.)**  
**ДОЧЬ НЕКРОМАНТА**

**Хранитель Мечей**  
**РОЖДЕНИЕ МАГА**  
**СТРАНСТВИЯ МАГА (в 2 т.)**  
**ОДИНОЧЕСТВО МАГА (в 2 т.)**

**Война Мага**  
**ДЕБЮТ**  
**МИТТЕЛЬШПИЛЬ**  
**ЭНДШПИЛЬ**  
**КОНЕЦ ИГРЫ (в 2 т.)**

**ТЕХНОМАГИЯ**  
**РАЗРЕШЁННОЕ ВОЛШЕБСТВО**  
**ВРАГ НЕВЕДОМ**

**ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО**  
**ЧЕРЕП НА РУКАВЕ**  
**ЧЕРЕП В НЕБЕСАХ**

**СЕМЬ ЗВЕРЕЙ РАЙЛЕГА**  
**ТЁРН**  
**АЛИЕДОРА**  
**ИМЯ ЗВЕРЯ (в 2 т.)**

**ГИБЕЛЬ БОГОВ – 2**  
**Книга первая. ПАМЯТЬ ПЛАМЕНИ**  
**Книга вторая. УДЕРЖИВАЯ НЕБО**  
**Книга третья. ПЕПЕЛ АСГАРДА**  
**Книга четвертая. АСГАРД ВОЗРОЖДЁННЫЙ**  
**Книга пятая. ХЕДИН, ВРАГ МОЙ (в 2 т.)**  
**Книга шестая. ПРОШЕДШАЯ ВЕЧНОСТЬ**

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР**  
**ЗА КРАЕМ МИРА**  
**СТАЛЬ, ПАР И МАГИЯ**  
**ОСТРОВ КРОВИ**

**СКАЗКИ УПОРЯДОЧЕННОГО**  
**ОХОТНИКИ. ПРОРОЧЕСТВА РАЗРУШЕНИЯ**  
**ОХОТНИКИ. МЕГАЛИТЫ ИМПЕРИИ**

**СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ**  
**НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ДРАКОНОВ (с С.В. Лукьяненко)**  
**ЧЁРНАЯ КРОВЬ (с С.В. Логиновым)**  
**МЛАВА КРАСНАЯ (с В.В. Камшой)**



Ник  
ПЕРУМОВ

---



ГИБЕЛЬ БОГОВ-2  
АСГАРД

ПЕПЕЛ АСГАРДА  
АСГАРД ВОЗРОЖДЁННЫЙ

Художник Владимир Бондарь



Москва  
2018

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
П26

Оформление серии *И. Саукова*

Иллюстрация на обложке  
и внутренние иллюстрации *В. Бондаря*

**Перумов, Ник.**  
П26 Гибель Богов-2. Асгард / Ник Перумов. — Москва :  
«Эксмо», 2018. — 640 с. — (Ник Перумов. Коллекция).

ISBN 978-5-04-094975-5

Долгие века древний бог Один, владыка Асгарда, был одинок. Все его сородичи, асы и асиньи, пали в Боргильдовой битве. Лишь множество лет спустя единственная уцелевшая из его дочерей, валькирия Райна, смогла встретиться с ним. Но мир изменился, и в нем нет больше места Старым Богам, прямодушным и суровым. Однако Один отказывается покоряться судьбе. Задумав небывалое — отнять у самой Смерти доставшуюся ей добычу, — он вместе с Райной отправляется в опаснейшее путешествие. И на знаменах его начертано: «Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость!»

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094975-5 © Перумов Н., 2018  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

# ГИБЕЛЬ БОГОВ-2

КНИГА ТРЕТЬЯ

## ПЕПЕЛ АСГАРДА







ПРОЛОГ  
ВАЛЬКИРИЯ

*Митгард.  
Незадолго до Боргильдовой битвы.  
Восточный Хьёрвард, фиорды на Море Ярлов.  
Боги Óдин и Локи.*

- Смотри, Локи, там, кажется, какое-то празднество.
- Угу. Пиво наверняка свежее...
- Х-ха. Пиво. Как там сказано у скальдов?

*Меньше от пива  
пользы бывает,  
чем думают многие;  
чем больше ты пьёшь,  
тем меньше покорен  
твой разум тебе<sup>1</sup>.*

---

<sup>1</sup> «Старшая Эда», «Речи Высокого», строфа 12. Перевод с древнеисландского А. Корсуна под редакцией М. Стеблин-Каменского.



— У скальдов! Великий Óдин, Отец Богов, скромничает. Не пристало могучему Асу скрывать, что эта виса — его собственная. Не Браги, а твоя, мой названный старший брат.

— Ну, может, и моя, коль уж ты так настаиваешь. Но я не гонюсь за славой, хитроумный наш Локи.

— «Не гонюсь за славой» — сказал кто?! Ой, держите меня, сейчас лопну от смеха.

— Скорее уж Тор поймает тебя, и тогда уж ты точно лопнешь, если только он прознает про твои шашни с его женой, Сиф.

— Не виноват я! — почти искренне возмущился бог огня. — Она сама меня соблазнила! Сама ко мне пришла! Мол, Тор пренебрегает ею, общество его молота, видать, ему желанней, чем её ласки, вечно пропадает он где-то на востоке, и постель бедняжки Сиф холодна!

— И ты, конечно же, поспешил на помощь страдальце. Ох, Локи, острословец ты наш, думаешь, что всегда найдёшь, чем отпереться. Впрочем, смотри — там, похоже, не просто ярмарка! Оно и верно, какие торжища по весне-то...

Локи враз посерьёзnel.

— Пиво там точно есть, правда, чую я и кое-что ещё...

Двое асов, отец богов Óдин и хитроумный бог огня Локи, по обыкновению, странствовали вдвоём, приняв обличье бедных путников. Правда, с волшебным копьём Гунгнир, что не знало промаха, Óдин так и не расстался. А вот Локи и вовсе не взял с собой никакого оружия — зачем, если в его власти вся разрушительная мощь огненной стихии? Капюшон Локи откинул, ярко-рыжие волосы трепал весёлый весенний ветер. Пахло морем, распускающимися почками, поднимающейся травой; на большой дороге скрипели колёса, а от недалних фиордов поднимался щекочущий ноздри воинов запах смолы — ярлы готовили боевые драккары к скорым походам.

Такова правда жизни — сильный утверждает своё право, и слабый должен или обрести силу сам, или прислуживать сильному. Иного не дано. У зверей лишь лучшие из лучших оставляют потомство, не давая выродиться породе; и у людей право длить свой род тоже добывается одним лишь оружием. Так было, так будет. Жестоко время Древних Богов, и не зна-



ют они иного склада. Ведь иначе нельзя — болезни выкосят те роды, где не знают сурового закона жизни, их угодыя отойдут иным, кто сильнее. И, сколь бы ни молили слабые о спасении, ответ им будет лишь один — стань сильнее.

— Так что ж это за празднество такое, Отец Богов? — Локи прищурился, глядя на обширную площадь, со всех сторон окружённую торговыми рядами. Перекрёсток дорог, бойкое место, однако никто пока не возвёл здесь городских стен, не наложил лапу на этот рынок и не начал собирать мыто.

Но сейчас здесь готовились явно не торговать. Большая и шумная толпа окружала высокие повозки с водружёнными на них клетками, свистела, улюлюкала, гыгыкала и вообще всячески изъявляла восторг пополам с нетерпением. Большею частью здесь собрались простые пахари, смешавшись с ремесленниками; среди них затесались и дружинники ярлов; эти отличались ростом, статью и оружием. С мечами или боевыми топорами ходили почти все мужчины, женщины — с кинжалами, но дружинник ни за что не показался бы на людях без железного шишака, кольчуги и тяжелой двуручной секиры.

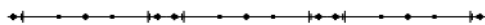
— Зверинец странствующий, что ли? — удивился бог огня.

Один безмолвствовал. Он уже понял, что здесь творится. Отец Богов успел заметить клетки не только со зверьми, но и с людьми.

Клетки с рабами.

Раб — не человек. Невольник, не лишившийся жизни в честном бою, выбравший позорный ошейник, недостоин Валгаллы, его ждёт тёмная пасть царства Хель. Траллсов, то есть рабов, не жалеют и не щадят. Если ты воин и тебя скрутили оглушённо — даже с голыми руками, даже связанный, бросься на пленивших и дерись вплоть до ногтей и зубов. Ты упадёшь, изрубленный, но смерть твоя окажется быстра и весела. Великий Ас, Владыка Асгарда, с почётом встретит тебя у врат Валгаллы, валькирии поднесут тебе рог с пенистым мёдом, эйнхерии примут тебя в свой круг, и начнётся новая жизнь, весёлая жизнь, прекрасная жизнь истинного мужа — битвы, охоты, пиры.

И так до самого часа Последней битвы, когда в пламени погибнет Мировое Древо, великий ясьень Иггдрасиль, небес-



ный свод обрушится на землю, а суша погрузится в бездонные воды.

Умри достойно, но не смей жить рабом! Нет ничего страшнее и безысходнее вечного прозябания в Хель. Даже если ты — дева, или жена, угодившая в руки находников, — сражайся также, всем, чем угодно: шпилькой для волос, фибулой-заколкой для плаща, ею можно выцарапать глаза насильнику. И тогда тебя за гранью смерти встретит ласковая богиня Фрейя, проведёт на свои луга, где живут немногие избранные ею жёны, те, кто пал с честью, кто заставил содрогнуться даже мужей.

А рабы и рабыни... эта доля для слабых телом и духом, для недостойных. Пример для всего народа фиордов, пример того, как нельзя жить; рабская участь несравненно, непредставимо хуже смерти.

Раб — не человек. И, следовательно, с ним можно сделать всё, что угодно.

Толпа окружала круглую арену, вбитые в землю потемневшие от времени — и не только! — столбы в целый обхват. Между ними набиты внушительной толщины жерди, натянуты сети, сплетённые из канатов в руку взрослого человека.

Не требовалось особой мудрости, дабы понять, что тут затевается.

— Смотри, Отец Богов, у них тут даже драконейт!

— Смелые люди, однако, владеют сим зверинцем, — отозвался Старый Хрофт, глядя на злобную морду страшилища и клыкастую пасть. Зубы неостановимо грызли и грызли железо прутьев, с отвислых чёрных губ на пол из неошкуренного горбыля капала зеленоватая пенящаяся слюна.

— Да, смелые, — согласился Локи. — Это ж надо — податься к самому гнезду, дожждаться, пока мать не начнёт выгонять тех, кому никогда уже не сделаться настоящим драконом, выследить, изловить, укротить и удержать в клетке... Не каждому ётуну под силу!

Один молча кивнул. Он уже почти наяву видел ожидающую рабов участь — быть сожранными на арене на потеху предвкусывающей кровавое зрелище толпы.

Однако ни Локи, ни сам владыка Асгарда и пальцем не пошевелили, чтобы помочь несчастным. Это людские дела. Каждый из невольников имел выбор — умереть в бою или жить презренным рабом. Кто сам отверг Валгаллу — или поля Фрейи, — того нечего жалеть и такому незачем помогать.

Потом возле арены появились зазывалы, хотя народ и так клубился вокруг, словно пчелиный рой около дупла с медовыми сотами. Óдин не прислушивался — какое ему дело?

— Ас Воронов, — Локи вдруг потянул его за плащ. — Ты хочешь идти? Я думал слегка задержаться.

— Зачем? — поморщился Óдин. Кровавые забавы людей его не прельщали, в Асгарде не случалось ничего подобного, его обитатели предпочитали охоту.

— Хочу взглянуть на тех, кому предстоит тут сразиться. Кто знает, может, и сыщется достойный, угодивший в рабы по злой судьбе?

Óдин поднял правую бровь.

— Я знаю, я знаю, — заторопился бог огня. — Каждый из них имел и до сих пор имеет выбор. Но всё-таки... я хочу глянуть.

Владыка Асгарда усмехнулся.

— Небось приметил там какую-нибудь красотку? Ох, Локи, Локи, и зачем я только отдал за тебя замуж бедняжку Сигюн...

Против ожиданий, бог огня вдруг потушился.

— Такова уж моя природа, — развёл он руками чуть ли не виновато.

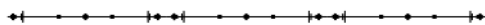
Óдин только покачал головой.

— Я не судья моему названому брату.

— До срока, — криво и бледно ухмыльнулся бог огня.

— Да, — сурово ответил Óдин. — До срока, Локи. Так изрекла вёльва, и слово её нерушимо.

— Иногда я думаю, — полушёпотом проговорил бог огня, — иногда я думаю, что случится с пророчеством, если я, скажем, погибну до срока? Если я не стану поднимать великанов Йотунхейма и Муспелля на войну против Асгарда? Что, если какое-нибудь неведомое чудище в наших с тобой странствиях, старший брат, окажется сильнее?



— Едва ли сыщется такое, что сможет одолеть нас двоих, Локи, брат мой.

— Спасибо, что по-прежнему зовёшь меня так.

— И буду звать. До самого последнего дня<sup>1</sup>. Но что же — ты желаешь смотреть? Будь по-твоему, Локи, но не зови меня присоединиться к тебе.

— Отчего же? — пожал плечами бог огня. — Это Митгард, это люди, твои излюбленные дети, твоё творение...

Один лишь покачал головой.

— Пусть эта сказка — про то, как людей сотворили из ясения и ивы<sup>2</sup>, — останется уделом скальдов. Ты же знаешь, как всё случилось на самом деле, Локи.

— Ты дал им законы, ты одаривал и карал, Один, брат мой. Поэтому они — твои дети, ибо ты растил их, как строгий отец растит сыновей и дочерей.

— Ловкость твоего языка известна всему Митгарду, Локи.

— Тут не требуется никакой ловкости, — возразил бог огня. — Люди поклоняются тебе, Ас Воронов, возводят тебе храмы, возносят к тебе свои молитвы, прося заступничества и помощи. Так почему же ты отворачиваешься от их развлечений? Люди таковы, какими их сделал твой порядок, брат мой.

<sup>1</sup> В классической версии «Старшей Эдды» — «Перебранка Локи» — бог огня сперва устраивает перебранку на пиру у морского великана Эгира, оскорбляя асов, затем пускается в бегство, однако асы ловят его и подвергают наказанию — превращают в волка одного из его сыновей от брака с Сигюн, тот убивает своего родного брата, другого сына Локи и Сигюн, после чего Локи связывают кишками его собственного сына, а Скади, супруга Ньёрда, вешает над связанным богом огня ядовитую змею, яд которой непрерывно капает из раскрытой пасти. Несмотря на всё это, Сигюн остаётся верна Локи и неотлучно находится с ним, держа чашу над его лицом, куда и собирается яд, и лишь когда Сигюн опорожняет сосуд, капли яда касаются лица Локи, отчего он корчится в жутких мучениях. Считалось, именно этим объясняются землетрясения.

Лишь после этого Один и асы узнают пророчество вёльвы, возвещающей грядущий Рагнарёк, уничтожение старого мира и гибель почти всех асов.

В моей версии событий, изложенной в книгах «Боргильдова битва» и «Молодой маг Хедин», пророчество вёльвы случилось до всех и всяческих «перебранок», так что Локи и асы вынуждены жить уже со знанием того, какой конец ждёт каждого из них. — *Прим. авт.*

<sup>2</sup> «Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», строфа 17.

— В твоих словах есть истина, брат, — медленно сказал Óдин, не сводя с Локи своего единственного глаза. — Я останусь. И, клянусь своим собственным копьём, если среди рабов окажется такой, что не падёт на колени, моля о пощаде, но станет биться доблестно, я сам встречу его на пороге Валгаллы и сам поднесу ему первый рог с мёдом.

— Слова истинно великого Аса, — поклонился Локи.

Óдин лишь нахмурился и ничего не ответил.

Тем временем рабов и в самом деле вывели из тесных клеток. Было их чуть больше дюжины, грязные и исхудавшие люди, мужчины и женщины — вперемешку.

Они сбились в кучу, прижимаясь к брёвнам ограды. Мужчина с косматой бородой и в одной лишь измаранной набедренной повязке, жутко завывая, бросился на частокол, попытавшись вскарабкаться по жердинам; получил в межрёберье тупым концом копья от стражника и, хрипя, сполз вниз. На губах его проступила пена, словно у бесноватого.

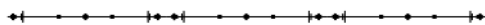
— Нет, Валгалла его не ждёт, это точно, — покачал головой бог огня.

Надрывались зазывалы, звенели монеты, меняя владельцев, толпа сгущалась, напирая.

— Смотри, брат мой, — Локи слегка толкнул Óдина в бок.

Над кучкой прижимающихся друг к другу невольников, словно башня, возвышалась молодая женщина, настоящая богатырка; в жилах её наверняка можно было отыскать примесь крови ётунов. Широкие скулы, широкие же плечи, руки, бугрящиеся мускулами, высокая грудь, спутанные коротко обрезанные волосы. К ней прижималась совсем юная девушка, ростом едва достигая локтя богатырки. Силачка обнимала её одной рукой, растерянно озираясь по сторонам, словно не понимая, как очутилась здесь и что тут делает.

А потом на арене появился недодракон. Драконейт, отброс гордого драконьего племени, изгнанный из гнезда собственной матерью и угодивший в лапы поимщикам-людям. Грязно-серозелёная чешуя, огромный ошейник чёрного железа с шипами — остряя внутрь; многих чешуй не хватает, видны следы ожогов и ударов. На лапах — толстые браслеты от кандалов. Когти



для пушшего устрашения тоже окованы железом, хотя никакой нужды в том не имелось — даже у недодраконов когти острее и крепче любой человеческой стали.

Прислужник взобрался на подмости, с натугой перевалил через верх груды ржавого оружия — копья, секиры, рогатины, несколько мечей. Толпа заголосила.

Недодракон повёл рогатой башкой, всхрипнул. Маленькие глазки наливались алым — он был голоден и зол. Слушать что-либо кроме собственного желудка он не мог, за что мать в своё время и выкинула его из гнезда.

Драконы — нежнейшие родители тем из своих детей, кто способен встать рядом с ними или превзойти их, но совершенно безжалостны к «недотыкомкам».

Невольники вопили, кто-то пробовал карабкаться по жердям ограды — стражники спихивали таких вниз. Никто даже не попытался схватиться за сброшенное на арену оружие, даже для того, чтобы дать отпор хотя бы наёмникам хозяев арены.

Один искоса взглянул на бога огня — тот неотрывно смотрел на богатырского сложения молодуху, губы Локи шевелились, и Старый Хрофт разобрал «ну, давай же, давай, ты же можешь!».

Но девушка лишь хлопала длинными ресницами, крепко прижимая к себе не то подругу, не то младшую сестру, — и ничего не делала.

Зрители свистели и улюлюкали. Кто-то швырнул в невольников ком грязи — собравшиеся жаждали боя, а не просто кровавого пиршества для недодракона.

— Сражайтесь! — сжав кулаки, прошипел бог огня.

— Ты не можешь вложить собственное сердце тем, кто его лишился, — сурово заметил Отец Богов. — Я поклялся тебе, что тотчас возьму в Валгаллу храбро сражавшегося, но сейчас добавлю — если хоть один из них окажется достоин моих залов, остальные отправятся к Фрейе. Не в Хель. Хотя это и не в моих правилах.

Один едва не добавил «и может нам дорого обойтись», но вовремя удержался. Не с богом огня говорить на подобные темы.

Глаза Локи расширились.

— У нас каждый бьётся за себя. Смерть настигнет любого, и умрёт каждый, сражаясь с ней за собственное посмертие. Храбрость и доблесть одного не искупят трусости или низости других. В этом — высшая справедливость, Ас Воронов.

— Я знаю! — Óдин досадливо оборвал названного брата. — Но сейчас... я вижу... я чувствую...

— Ты разрешаешь мне им помочь? — почти взмолился бог огня. — Подсказать... подбодрить... самую малость?

— Да, тебе, Локи, и впрямь всегда нравились великанши. При Рагнаради мне придётся ответить и за слёзы Сигюн. Я выдал её за тебя замуж, в надежде, что её кротость и доброта улучшат твой нрав, но, как видно, ошибся.

Локи покраснел, несмотря на все свои удаль и ухарство.

— Не разрешаю! — отрезал Óдин, не обращая внимания на умоляющий взгляд бога огня. — Валгаллу себе и спасение от Хель другим кто-то из них может заслужить лишь сам.

Сын Лаувейи<sup>1</sup> отрывисто кивнул и отвернулся.

Недодракон тем временем не торопился. Несмотря на гол, он пусть и тупой башкой, но понимал, что людям никуда не деться с тесной огороженной арены, и, наверное, хотел растянуть удовольствие. К жертвам он приближался не спеша, широкими кругами, щёлкал челюстями, тянулся скрюченными передними лапами — и отдёргивался, словно чего-то испугавшись. Клыкастая пасть при этом кривилась в подобии жуткой усмешки.

— Несчастный, — вдруг сказал Локи.

— Что-что? — не поверил своим ушам Óдин. Бог огня к сочувствию и состраданию, и тем более чудовищному недодракону, недостойному высокой чести принадлежать к волшебному драконьему племени, был никак не способен.

— Несчастный, — повторил бог огня. — Его собственная мать отеклась от него. Его отец — жесток и бессердечен, сыновья для этого горе-родителя — лишь поленья в костре его гордыни, предмет хвастовства перед другими. А этот недодракон изгнан своим родом, лишён свободы...

---

<sup>1</sup> Великанша Лаувейя — мать бога огня Локи.